

Рассказ 2: «Тихая жизнь»

Я вернулся не ради примирения. И не ради покоя. Просто потому что больше некуда было идти.

Москва меня выжгла. Лес — исцелил.

Но человек не живёт вне людей. Даже такой, как я.

Родной город встретил пыльно. Всё будто осталось тем же: рынок, аптека, река с мутной водой, где я когда-то первый раз поцеловал девочку в лоб, а она сказала:

— Ты смотришь, как будто уже убил кого-то.

Я тогда только начал мечтать о крови. Сейчас — только хочу забыть её запах.

Снял комнату у старушки. Сын у неё в тюрьме. Доверия — ноль, но она не спрашивает ничего. За это — респект.

Купил велосипед, устроился крутить гайки в автомастерской. Рукам всё равно, убивали ли ты. Главное — чтобы ключ подходил к болту.

Но даже здесь покой не приходит.

На второй неделе заметил: у магазина тормозит одна и та же «Гранта». Сначала подумал — таксист. Потом глянул по движению: не садятся. Просто ждут.

На третий день — тот же силуэт на лавке у моего подъезда. Сигарета, кепка, тишина. Глаза как у наблюдателя, не праздного.

На четвёртый — две бабки у калитки начали сплетничать:

— «А этот новый, что у Валентины живёт... Тихий. А глаза — как у тех, что с войн приходят.»

Спросили у неё напрямую:

— «Он кто?»

Она сказала:

— «Мастер. Починяет.»

Молодец. Она, кажется, всё поняла. И молчит.

У меня в хате — шесть камер. Две — в глаза не бросаются. Остальные — в глазках, в дверном косяке и даже в ручке сарая.

Запись идёт на внешний диск, который я ношу с собой в рюкзаке, как пенсию.

На видео — трое. Два опертипажа, один безликий. Смотрели окна. Снимали двор.

На втором ролике — один наклоняется к двери, будто нюхает, кто здесь жил.

На третьем — кто-то смотрит прямо в камеру, но не понимает, что она работает.

Я смотрю и думаю:

«Если я уже не в системе — значит, я цель. Но я всё ещё играю лучше.»

Я записал номера, маршрут, лица. И закинул всё в один архив, подписанный:

«В случае моей смерти. Активировать.»

Залил в облако, отложил по таймеру. Всё как учили.

Через неделю ко мне заходит человек. Без оружия.

Сел напротив. Сказал:

— “Тебе либо обратно к нам, либо под землю. Ты ж понимаешь.”

Я не ответил. Просто смотрел. Он говорил ещё минуты две. Я смотрел.

Потом сказал:

— “Я больше не ваш. И если вы придёте — я не стану убивать. Я сделаю хуже. Я открою рот.”

Он понял. Глаза дрогнули.

— “Тебя отпустили? Кто?”

Я улыбнулся.

— “Ты же знаешь, кто.”

Он ушёл. Каменная тишина осталась в комнате на пару часов. Потом снова закапал кран.

Сейчас я пью чёрный чай на балконе. Смотрю на горы.

Снизу бегают дети. Старушки вяжут у подъезда. Пахнет укропом.

Мир живёт. Без стрельбы. Без приказов. Без чисток.

Я не могу забыть, кем был. И не хочу.

Это был мой путь. Моя война. Мои руки.

Но теперь я не целюсь.

И каждый день, когда я не нажимаю на спуск — это уже победа.

Пусть город шепчет. Пусть прошлое ходит рядом.

Я больше не волк.

Я просто мужик с велосипедом.

И это — тихая жизнь.

Он ушёл. Больше не появлялся. Но я знаю — это не конец. У них долгая память. И короткий повод.

Каждую ночь я проверяю камеры. Каждый день — маршруты. Каждый взгляд прохожего я читаю, как протокол.

Но я больше не рву с места. Не хватаюсь за сталь. Я — в тени. И в этой тени я — живой.

Я не святой. У меня на руках столько, что стёрлась кожа.

Но я выбираю не продолжать. И каждый день, пока я не отвечаю злом на зло — это война, которую я выигрываю.

Они ждут, что я сорвусь. Что вернусь. Что снова стану зверем.

Но я выбрал быть тихим.

А в тишине — меня не достать.

Файл всё ещё лежит в облаке. Таймер обнуляется раз в месяц.

Если я исчезну — взорвётся не дом, а репутации.

Я — больше не оружие. Я — напоминание.

Тихая жизнь.

Даже она требует зубов.

Но теперь — я их не показываю.